

СЕВАК АРАМАЗД

АРМЕН

этом богом забытом селе, где ему открылось истинное лицо чужбины, и он содрогнулся так, словно впервые заглянул в глаза смерти...

Он отправил в рот и попробовал разжевать пирожок, но тот, несмотря на аппетитный вид, оказался на удивление черствым и твердым, как орех. От боли в деснах он чуть не взвыл. Потом сиротливо съежился и лишь теперь почувствовал, что все тело у него ноет от жестоких побоев.

Особенно сильно болел нос. Он осторожно ощупал его: нос распух и был словно сдвинут в сторону. Ладонью вытер губы – увидел кровь. Кровь была и на пирожке. Он ощутил во рту вкус крови. И тут до него дошел истинный смысл того, что произошло. Будто кто-то неведомый пытался его унижить...

– Не выйдет! – глухо прошептал он,

сплюнув красную слюну и сжав губы.

Волна безудержного гнева поднималась в груди и наполняла его какой-то непривычной силой. То была сила жизни. Сила его жизни. Его сила. И никто не может отнять у него эту силу...

Он еще немного посидел, потом легко вскочил на ноги и решительной походкой продолжил путь.

2

Выйдя из лесу и проходя над мутной и хмурой рекой, отделявшей лес от степи, он на минуту остановился на мосту и осмотрелся. Далеко-далеко падающий шар солнца будто с неслышным отсюда грохотом ударился о горизонт и рассыпался, при этом его раскаленные лучи брызнули во все стороны, наполнив бескрайнюю степь равнодушной пылью

вечернего безмолвия. Мир был так огромен, а путей-дорог в нем так много, что впору было отчаяться, и сердце Армена сжалось от неясной тревоги: куда он попал, как и зачем?.. В следующее мгновение он впервые ощутимо понял, что погруженная в море теней земля кругла, и душу его неожиданно переполнила радость: он открыт и для жизни, и для смерти, и для победы, и для поражения...

Дойдя до первого перекрестка, он снова немного помешкал: дороги, точно бесчисленные морщины, бороздили темнеющее лицо страны. Где-то далеко отсюда едва угадывались в наступающих сумерках поселки, села, города, напоминающие то здесь, то там случайно выросшие в этой бесплодной и бескрайней степи густые кустарники, и Армен невольно вспомнил сидевшую на обочине дороги

торговку пирожками.

«Будто морщинистое лицо той старухи»,
– подумал он о земле, по которой шел.

Слева от него по узкой и бугристой дороге двигалось темное пятно. Непроизвольно Армен тоже повернул влево: наверняка это человек, у которого можно что-то узнать. Немного погодя навстречу ему из сумерек выплыло какое-то существо, припадавшее на одну сторону. По легкому покачиванию вытянутого тела Армен догадался, что это собака. Заметив человека, она замерла, потянула носом воздух, а затем продолжила путь. По всей вероятности, это был бродячий пес, побитый и голодный. «Какя...» – подумал Армен и, остановившись, достал из рюкзака пирожок и протянул его навстречу собаке. Та, к удивлению Армена, сделав большой

крюк, обошла его и равнодушно побежала дальше; судя по всему, конечным пунктом ее маршрута был лес, где она намеревалась переночевать. Армен посмотрел ей вслед, и в следующий миг мурашки поползли у него по телу: это был вовсе не бродячий пес, а самый настоящий волк; остановившись на перекрестке, он тоже обернулся и посмотрел на Армена сверкнувшими в полумраке глазами. Некоторое время Армен и волк не сводили друг с друга взгляда. Потом волк отвернулся и медленно удалился в сторону прибрежных кустов, а Армен продолжил путь.